

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163682-713>

Нарожный Евгений Иванович
доктор исторических наук, главный специалист
«Наследие Кубани», Краснодар, Россия
zai_ein@mail.ru

Тищенко Игорь Борисович
начальник отдела археологии
«СпецПоиск», Краснодар, Россия
ig.tishenko2010@yandex.ru

ДВА ЗАХОРОНЕНИЯ МОГИЛЬНИКА XIII–XV ВВ. ПОСЕЛЕНИЯ «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ-2» (КРЫМСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот два новых и ранее не опубликованных женских захоронения (№ 94 и № 177). Они происходят с территории Нижнего Прикубанья (могильник поселения «Железнодорожное-2») и датируются XIII–XIV вв. Материалы актуализируют потребность в сравнительном анализе их погребального инвентаря и обрядности захоронений не только с других, синхронных, памятников, прилегающих к Нижней Кубани территорий, но и Золотой Орды в целом. Основной целью работы является возможно исчерпывающая характеристика публикуемого погребального инвентаря этих захоронений и определение основных прижизненных занятий погребенных. Часть из них вполне установима – стрижка овец, обработка шерсти, изготовление шерстяных нитей, портняжное дело и т.д. Затрагиваются в статье и некоторые аспекты северокавказско-грузинских связей и отношений эпохи Золотой Орды. Основными задачами публикуемого исследования стали определенные шаги по определению возможных этнокультурных истоков погребенных. Здесь одними из определяющих являются серьги с напускной металлической бусиной асимметричной формы из захоронения № 177. Они, вероятно, указывают на очевидный генезис из материальной культуры чернокобучцких племен южнорусского приграничья (Поросье). В результате массовой миграции во второй половине XIII в. привнесенные на Северный Кавказ черными клобуками такие украшения несколько видоизменяются и становятся еще одним аргументом в пользу версии о реальности миграции данных кочевников Поросья на Северный Кавказ. Эти материалы позволяют делать вывод и о том, что потомки указанных переселенцев постепенно «растворяются» в местной этнокультурной среде. Новизна публикуемых материалов потребовала использования вполне конкретных методологических подходов, которые опираются на принципы историзма, системности и объективности. Публикуемые ниже археологические материалы рассматриваются на основе сравнительно-типологического и комплексного анализа вводимых в научный оборот погребальных комплексов.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Нижняя Кубань; Золотая Орда; черные клобуки; половцы; Грузия и Северный Кавказ; золотоордынское Поволжье.

© Нарожный Е.И., Тищенко И.Б., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163682-713>

Yevgenyi I. Narozhnyi,
D.Sc., Chief Specialist
«the Heritage of Kuban», Krasnodar, Russia
zai_ein@mail.ru

Igor B. Tishchenko,
Head of the Department of archaeology
Company “Specbook”, Krasnodar, Russia
ig.tishenko2010@yandex.ru

TWO BURIALS OF THE BURIAL GROUND OF THE XIII-XV CENTURY SETTLEMENT «RAILWAY-2» (KRYMSKY DISTRICT OF KRASNODAR TERRITORY)

Abstract: the article introduces two new and previously unpublished female burial sites (No. 94 and No. 177). Dating from the XIII-XIV centuries they come from the territory of the Lower prikuban (burial ground of the settlement «Zheleznodorozhnoye-2»). The materials actualize the need for a comparative analysis of their burial inventory and ritual burials not only from other and synchronous monuments adjacent to the Lower Kuban territories, but also the Golden Horde as a whole. The main purpose of the work is to provide a possible, comprehensive description of the published burial inventory of these burials and to determine the main, lifetime occupations of the buried. Some of them are quite established - shearing sheep, processing wool, making wool threads and tailoring, etc. The article also touches on some aspects of North Caucasian-Georgian relations and relations of the Golden Horde era. The main objectives of the published research are certain steps to determine the possible ethno-cultural origins of the buried. Here, one of the defining ones is the earrings with a false metal bead of an asymmetric shape from burial No. 177. They probably point to their obvious Genesis from the material culture of the chernoklobutsky tribes of the southern Russian border region (Porosye). As a result of mass migration in the second half of the XIII century, introduced to the North Caucasus by black hoods, such ornaments are somewhat modified and become another argument in favor of the version about the reality of migration of these nomads of the pig to the North Caucasus. These materials allow us to conclude that the descendants of these immigrants are gradually "dissolving" in the local ethno-cultural environment. The novelty of the published materials also required the use of quite specific methodological approaches that are based on the principles of historicism, consistency and objectivity. The archaeological materials published below are considered on the basis of a comparative typological and complex analysis of the burial complexes introduced into scientific circulation.

Keyword: North Caucasus; Lower No.I am Kuban; Golden Horde; black hoods; Polovtsy; Georgia and the North Caucasus; the Golden Horde of the Volga region.

© Y.I. Narozhnyi, I.B. Tishchenko, 2020
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020
 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Публикации двух новых средневековых захоронений из Нижнего Прикубанья вводят в научный оборот грунтовые захоронения с территории могильника, сопровождавшего золотоордынское поселение «Железнодорожное-2», открытое в 2010 г. и исследовавшееся (12 тыс. кв. м площади) два года спустя. Охранно-спасательные работы здесь проводились в связи с предстоящим строительством крупной ж/д станции [1, с. 374–376; 2, с. 329–330]. Работами рядом с поселением «Железнодорожное-2» был открыт сопровождавший его грунтовый могильник. В научной литературе, несмотря на отсутствие полной публикации всех раскопочных материалов, уже были высказаны некоторые предварительные, но обобщающие наблюдения, например, о верхней дате поселения. Она одними авторами представляется не выходящей за рамки XIV в. [3, с. 29–42, 4, с. 10–15], по мнению других история поселения должна «захватывать», как минимум, начало XV в. [4, с. 10–15 и ср.: 3, с. 29–42, 5, с. 221–224]. Важность такого уточнения очевидна, т.к. датировка поселения определяет и возможную верхнюю дату сопутствующего ему грунтового могильника. Несмотря на присутствие в нескольких захоронениях золотоордынских монет, отнесенных только к XIV в. [3, с. 29–42], в данном случае они не являются хронологически определяющими. На предварительном этапе обсуждения материалов было опубликовано и несколько обзоров наиболее репрезентативных выборок керамических комплексов поселения «Железнодорожное-2» [3–8]. Были опубликованы и предметы вооружения, связанные, как правило, с верхним уровнем культурного слоя поселения [9–10], явно указывавшие и на драматический характер завершающего этапа жизни этого археологического объекта. Были введены в научный оборот пока три грунтовых захоронения могильника поселения «Железнодорожное-2» [11, с. 141–148]. Указанные материалы в качестве «рабочей гипотезы» позволили предположить, что все они не только синхронизируют, но и определяют преимущественно сельский характер всего комплекса выявленных в 2010 г. и исследованных в 2012 г., находящихся рядом друг с другом поселений («Железнодорожное», «Железнодорожное» №№ 1 и 2, «Усенков» и др.), впрочем, как и связанных с ними грунтовых могильники. Скорее всего, весь комплекс отмеченных памятников мог возникнуть в зоне зимников или летников кочевого населения [12, с. 22–32], которое регулярно откочевывало сюда из ущелий береговой полосы Черного моря в районе современного Геленджика [13, с. 399–446, 14, с. 448–451]. Вполне вероятно, что по мере введения в научный оборот новых погребальных комплексов вопросы датировки и трактовки этнокультурного разнообразия населения, оставившего интересующий нас могильник (как и компактные могильники №№ 1 и 2 поселения «Железнодорожное-1»), будут неизбежно уточняться и вносить соответствующие коррективы.

Первое из публикуемых захоронений – *погребение* № 94 (Рис. 1, А-В) – было выявлено по пятну заполнения ямы на уровне – 66 см от R (0,2 м от современной дневной поверхности неглубокого строительного котлована). Погребальная яма вытянута с З на В, со скругленными углами, с неровной линией ее С

стенки (Рис. 1, А). Длина ямы 176 см, ширина 56 см, глубина до 34 см от уровня фиксации пятна (Рис. 1, Б-В). Дно неровное. Погребенная – женщина 25–30 лет¹; ее скелет покоился вытянуто на спине, головой и верхней частью туловища склонен к ЮЗ, остальная часть погребенной – по линии З-В (Рис. 1, А). Часть костей скелета потревожена. Длина скелета 135 см, череп раздавлен, завален на левую височную кость, лицевой частью на С (Рис. 1, А). Верхние конечности согнуты в локтевых суставах так, что кости предплечий оказались поверх плечевых, кистями рук к черепу, но фаланги пальцев правой руки – на лопаточной кости правой руки. Кости нижних конечностей фрагментированы, протянуты, сведены в районе стоп.

В ходе расчистки женского захоронения № 94 выяснилось: помимо полного скелета это захоронение содержало и остатки второго, неполного скелета, компактно сложенного поверх грудной клетки первого и представленного несколькими позвонками от позвоночного столба и правым крылом таза (кости молодой женщины).

Захоронение № 94 сопровождалось погребальным инвентарем: под левой височной костью погребенной (Рис. 1, А-1) находился крупный серебряный «бубенчик» (Рис. 2, 1), рядом с которым (Рис. 1, А-2) зафиксирована серебряная шаровидная пуговица с ушком для привешивания (Рис. 2, 2). В центральной части грудной клетки (Рис. 1, А-3) были выявлены мелкие фрагменты от железной обоймы (?) (Рис. 2, 3). У левого локтя скелета (Рис. 1, А-3) лежал мелкий, сильно коррозированный и трудноопределимый фрагмент железа. Между бедренными костями, выше коленного сустава (Рис. 1, А-4), находилась уплощенная пуговица из кашина с двумя сквозными отверстиями, покрытая поливой синего и бирюзового цвета (Рис. 2, 4). Предварительно в отчете эта пуговица была ошибочно обозначена как «пуговица из стеклянной пасты». Еще один, также трудноопределимый и сильно коррозированный, железный предмет отмечен ниже пуговицы из кашина (Рис. 1, А-5), он сразу же распался.

В ногах скелета находилось фрагментированное бронзовое зеркало с ушком на обороте диска для его подвешивания (Рис. 1, А-6. Рис 2, 8). Вокруг диска и под ним были прослежены остатки деревянного футляра (Рис. 2, 6). У северной стенки ямы, между ней и левой голенью погребенной находились разогнутые и фрагментированные ножницы из железа для стрижки шерсти у овец (Рис. 1, А-7; Рис. 2, 7). Острыми концами ножницы направлены на Ю. При разборке скелета, у его левой плечевой кости (Рис. 1, А-8) обнаружен еще один серебряный «бубенчик», идентичный уже отмечавшемуся выше (Рис. 2, 2). У правого плеча находилась 8-угольная пуговица из раковины с продетым сквозь нее стержнем-петлей из бронзовой проволоки (Рис. 1, А-9, Рис. 2, 9). Под нижней челюстью – бусина из сердолика молочного цвета (Рис. 1, А-10) округлой формы (Рис. 2, 10). Под правым плечом погребенной (Рис. 1, А-11. Рис. 2, 11) находилась раковина каури, под грудной клеткой (Рис.1, А-12. Рис. 2, 12) – подвеска

¹ Здесь и в следующем случае половозрастная характеристика погребенных определена антропологом Е.Ф. Батиевой (г. Ростов-на-Дону).

из гагата. Там же (Рис. 1, А-13. Рис. 2, 13) выявлены фрагменты раздавленного еще одного (как на Рис. 2, 1) бубенчика.

Второе публикуемое захоронение – погребение № 177 (Рис. 3, А-В) – было выявлено по пятну заполнения погребальной ямы темно-коричневого, заметно гумусированного суглинка, выявленного на уровне материка (-109 см от R, 0,7 м от дневной поверхности строительного котлована). Грунтовая яма подовальной формы (180х61 см) со скелетом женщины 25-30 лет. Костяк уложен вытянуто на спине, ориентирован головой на СЗ (Рис. 3, А). Сохранность скелета удовлетворительная; его длина 158 см. Череп завален к левому плечу и на грудь. Верхние конечности протянуты вдоль туловища, кисти рук вверх таза. Там же находились и фаланги пальцев обеих рук. Левая лучевая кость на груди. Нижние конечности вытянуты и сведены вместе в районе стоп. Справа (южнее) от черепа находились три позвонка животного (Рис. 3, А-1), возможно, овцы. Слева у черепа (Рис. 3, А-2) обнаружена серебряная серьга с металлической асимметричной бусиной (Рис. 4, 2). Справа от черепа, под нижней челюстью (Рис. 3, А-3) выявлены сильно фрагментированные осколки второго височного украшения – серьги с асимметричной биконической бусиной, но, в отличие от первого образца, серебряная полая бусина «нанизана» не на серебряное, а на бронзовое кольцо. У колена правой берцовой кости (Рис. 3, А-4) – фрагмент костяного шила или иглы подпрямоугольной формы в сечении с обломанным нижним окончанием и сквозным отверстием в верхней части предмета (Рис. 5, 1). В области брюшной полости, слева от позвоночного столба (Рис. 3, А-4. Рис. 5, 2) находились костяные иглы и полая трубочка с заполированной внешней поверхностью (Рис. 5, 2). Под левым крылом таза (Рис. 3, А-6) находились два фрагмента от железного, сильно коррозированного и трудноопределимого предмета (Рис. 5, 5); между бедренными костями (Рис. 3, А-7) – фрагмент железного черешкового ножа (Рис. 5, 4). Снаружи, вдоль левой нижней конечности (район коленного сустава), острыми концами на З (Рис. 3, А-8) лежали фрагментированные железные ножницы для стрижки шерсти у овец (Рис. 4, 3). Поверх «пружины» этих ножниц (Рис. 3, А-9) находилось бронзовое фрагментированное зеркало (Рис. 4, 1). Севернее зеркала (Рис. 3, А-10) отмечена халцедоновая бусина (Рис. 5, 3). Восточнее зеркала (Рис. 3, А-11) – клык кабана длиной 23 см и толщиной 2,6 см (Рис. 5, 9). У левой стопы, в районе фаланг пальцев (Рис. 3, А-12) – железное и фрагментированное шило (Рис. 5, 12). Под затылком погребенной найдена вторая бусина из халцедона, аналогичная первой (Рис. 3, А-13. Рис. 5, 3). За черепом (Рис. 3, А-14) обнаружен четырехгранный в сечении, черешковый наконечник стрелы (Рис. 5, 8). С внешней стороны правого колена (Рис. 3, А-15) находилась сильно фрагментированная костяная орнаментированная пластина (Рис. 5, 6). Под грудной клеткой – три трудноопределимых фрагментированных предмета (Рис. 5, 7, 10-11).

Переходя к атрибуции захоронений и погребального инвентаря из них, в первую очередь обратим внимание на некоторую специфику самих захоронений. Так, в погребении № 94 достаточно необычным было положение верхних

конечностей погребенной. Согнутые в локтях они, напомним, были уложены костями предплечий поверх плечевых костей погребенной (Рис. 1, А). Точно такое же положение верхних конечностей отмечено, например, в погребениях № 9 раскопа III Водянского городища («г. Бельджамен» или «Бездеж» письменных источников) на Нижней Волге [15, с. 159, рис. 75, погр. 9]. Значительно их больше, например, в материалах Новохарьковского грунтового могильника на Дону – погр. №№ 116, 118–120, 133, 135 и 137 [16, с. 78, рис. 32, 3, с. 81, рис. 24, 1-3, с. 89, рис. 28, 2, 4–5], связываемого, преимущественно, с донскими аланами. Аналогичное положение рук было отмечено и в погребениях №№ 29, 32, 34, 48, 69, 73 и др. грунтового могильника XIII–XIV вв. Мамай-Сурка в Запорожье [17, с. 24, рис. 8, 1, с. 27, рис. 9, 1; рис. 10, 11, с. 40; рис. 12, 3, 10]. Такой же микроэлемент труположения, хотя и эпизодически, известен также и в погр. 28 могильника Аушедз на Северо-Западном Кавказе [26, с. 70, табл. 14, 1]. Близкий вариант положения рук отмечен и в материалах могильника поселения «Железнодорожное-1» – в парном захоронении № 5 (у женского скелета № 1), хотя в этом захоронении лишь одна из верхних конечностей согнута аналогичным образом [18, с. 194]. Такой же вариант положения лишь одной верхней конечности широко практиковался в погребальных обрядах не только уже упоминавшихся захоронений Водянского, Новохарьковского могильника и некрополя Мамай-Сурка. Интересующий нас характер положения обеих согнутых в локте рук известен и в погребальных обрядах раннесредневекового некрополя на территории античного города Кепы на Тамани (1964 г., участок А, раскопа LI, погребение 1) [19, с. 515, рис. 11, 1].

Погребение № 94 фактически являлось парным захоронением: фрагменты одного, неполного, скелета (позвонки и крыло таза), напомним, находились поверх грудной клетки второго скелета, расположенного в анатомическом порядке по дну грунтовой ямы. Вероятно, остатки неполного скелета – это остатки более раннего захоронения, сначала «изъятого» из могильной ямы для совершения в ней второго (сохранившегося в анатомическом порядке) захоронения, поверх которого затем и были положены останки «изъятого» скелета.

Наличие в погребении №177 трех позвонков животного, отмечавшихся выше, по всей видимости – это следы обрядовой и традиционной заупокойной тризны. Как известно, разнообразные следы подобных ритуалов неоднократно фиксируются специалистами. Как правило, они констатируют, что «в погребениях, датированных XIII–XIV вв.», довольно часто встречаются такие части животных, как «берцовая кость», находящаяся «у изголовья»; в других случаях «рядом с берцовой костью обнаруживалась и лопатка», а «в женских погребениях, в районе поясницы и тазобедренного сустава», в специальной «ямочке размещались 2–3 позвонка барана» [20, с. 158]. Подобные примеры нередко «являются признаком, характерным для тюрок раннего Средневековья и поздних кочевников», например, Забайкалья [20, с. 15–158] и не только [21, с. 165–169]. Кости животных использовались и при поэтапном сооружении курганов над кочевническими захоронениями [22]. Наличие позвонков в

изголовье захоронения № 177, вполне вероятно, имеет определенный «информационный смысл», возможно, подчеркивающий связь захоронения с заведомо тюркскими погребальными традициями.

Определенный интерес представляет и погребальный инвентарь обоих публикуемых захоронений. Так, в погребении №117 был отмечен единственный предмет, относящийся к категории предметов вооружения – железный черешковый четырехгранный наконечник стрелы (Рис. 5, 8). Длина его 5,4 см, длина боевой части – 3,3 см, в сечении – 0,7х0,8 см; его тип – характерный для золотоордынской эпохи.

Предметы домашнего обихода в публикуемых захоронениях представлены несколькими типами и экземплярами: в первую очередь – это ножницы для стрижки шерсти овец из погребений № 94 и № 177 (см.: табл.). Несмотря на фрагментарность ножниц из погр. № 94, их размеры приводятся по обмеру в захоронении на момент фиксации. Оба предмета изготовлены из округлого металлического прута диаметром 0,8 см, согнутого пополам. В месте перегиба прут расплющивался в т.н. «пружину», и получавшейся «пружине» придавались разные конфигурации: есть ножницы округлой, овальной, подпрямоугольной и подквадратной форм. Однако в двух последних случаях их углы срезались (скруглены). Затем концы согнутого прута расковывались в лезвия

Табл.: Общие сведения о предметах.

Table: General information about items.

№ №	№ погр.	Рис.	Общая длина	«Пружина»	Длина лезвия	Ширина лезвия
1.	№ 94	Рис. 2, 7	24,5 см	Округлая D = 4,5	12 см	3,4 см
2.	№ 177	Рис. 4, 3	26 см.	Овальная, d = 4,6 см	12,5 см	2,1 см

подтреугольной формы в сечении, изгибались наружу. Слабо различаясь внешне, а также и в размерах, такой тип ножниц для стрижки овец встречается в разноэтнических и, исключительно, женских захоронениях. Характерны они для средневековых захоронений в разных ландшафтных зонах на всем пространстве от Азово-Черноморского побережья до Каспийского моря – в Адыгее [23, с. 172, Табл. III, 4; 24, с. 200, рис. 4, 8–9], в материалах Цемдолинского курганно-грунтового могильника [25, с. 123, рис. 54, 15], могильника Аушедз [26, с. 62, табл. 6, 6 и др.], в т.ч. и в материалах раннего средневековья [27, с. 51, табл. XXII, 8 и др.]. Значительно отличаются от них ножницы для стрижки овец с территории, например, высокогорной Ингушетии: на них «пружина» изготавливалась не в виде расплющенной части прута, а прут просто сворачивался в 2 оборота [28, с. 77, рис. 3, с. 81, рис. 8, 8–9, с. 83, рис. 9, 10, 17 и др.]. Находясь

в погребениях в районе пояса или же, как в случае с публикуемыми захоронениями, вдоль нижних конечностей, ножницы для стрижки овец (и не только овец), если судить по материалам Келийского могильника в Ингушетии, являются устойчивым маркером для захоронений именно «взрослых женщин». Одновременно такие находки указывают и на одно из наиболее распространенных, сугубо женских, прижизненных занятий.

В погребении № 177 было зафиксировано сразу два шила, первое из которых находилось у колена правой берцовой кости (Рис. 2). Шило (или шило-игла) фрагментировано (обломано острие), изготовлено из заполированной кости, в сечении подпрямоугольной формы (Рис. 5, 1). Сечение: 0,6х0,5 см, диаметр округлого ушка в верхней части предмета 0,2 см; учитывая наличие ушка, в принципе, предмет мог использоваться и как игла. Второе шило (Рис. 5, 12) черешковое, с обломанной «рабочей» частью.

В области брюшной полости, слева от позвоночного столба погребения № 177, отмечены мелкие фрагменты от 4-5-ти мелких костяных иголок и трубчатая полая игольница (Рис. 5, 2). Ее длина 4 см, диаметр 0,8 см, диаметр отверстия внутри – 0,6 см. Внешняя поверхность предмета заполирована, по поверхности дополнительно нанесен орнамент в виде мелко врезанных поперечных и парных полосок (вдоль краев и в средней части). Близкие аналогии встречаются достаточно часто [26, с. 80, табл. 25, 3; 31, с. 116, рис. 69, 3, с. 128, рис. 76, 9, с. 274, рис. 164, 3].

Отмеченные выше предметы – шилья, иголки и игольница – являются еще одним маркером, характеризующим другую разновидность прижизненных домашних промыслов, вероятно, связанных с портняжным делом внутри семьи.

В захоронении № 177, между бедренными костями, находился фрагмент железного черешкового ножа (Рис. 5, 4) с лезвием шириной 1,2 см, толщина спинки 0,4 см. Ножи данного типа хорошо известны в средневековых захоронениях как степного (кочевого), так и населения горной зоны региона [22, с. 143; 29, с. 88].

В погребении № 177, с внешней стороны (вдоль) правого коленного сустава, находилась костяная орнаментированная декоративная пластина-накладка, состоявшая из пяти фрагментов (Рис. 5, 6). Ее ширина – 1,1, толщина 0,15 см. С оборотной стороны – следы приклеивания предмета. Скорее всего – это декоративная накладка для деревянной рукояти ножа (?), несмотря на то, что фрагмент ножа в захоронении находился не совсем рядом.

В обоих захоронениях были обнаружены бронзовые зеркала. В захоронении № 94 металлический диск находился в ногах, у левой стопы скелета, среди фрагментов плохо сохранившегося его деревянного футляра (Рис. 2, 6). Возможность атрибуции остатков дерева вокруг зеркала как остатков его футляра сегодня подтверждают и другие известные случаи фиксации подобных футляров для зеркал на других территориях Золотой Орды [30, с. 256, рис. 4, 10]. Диаметр футляра публикуемого зеркала реконструируется на 1,6 см больше диаметра зеркала. Диск фрагментирован, без орнамента и бортика по внешнему

краю, на обороте зеркала имеется ушко для привешивания. Диаметр зеркала – 19,5 см.

В захоронении № 177 бронзовое зеркало, аналогичное вышеотмеченному, также без орнамента и бортика, с обломанной ушком-петлей на обороте, находилось к Ю от левой голени. Зеркало значительно меньшего диаметра, чем зеркало из погребения № 94. Его диаметр 9 см (Рис. 4, 1). Южнее зеркала отмечен клык дикого кабана длиной 23 см и толщиной 2,6 см. Сочетание обеих находок (зеркало + клык кабана) – достаточно частое явление для захоронений золотоордынского времени. Зеркала без орнамента, разных диаметров с географической точки зрения встречаются достаточно широко [30, с. 257, рис. 5, 5–9]. Фрагменты аналогичных зеркал есть на территории расположенного рядом поселения «Железнодорожное-1» [32, с. 142, рис. 1, 1], а также в погребальных комплексах Цемдолинского курганно-грунтового могильника под Новороссийском [33, с. 110, рис. 20, 5], в материалах пока до сих пор еще не опубликованного Убинского могильника [34, с. 143–153; 35, альбом: с. 88, рис. 48], на Верхнем и Среднем Дону [16, с. 56, рис. 21, 9] и т.д.

Определенный интерес представляют пуговицы-«бубенчики». В погребении № 94 их две: одна из них раздавлена, во фрагментах; другой экземпляр целый (Рис. 2, 1) – крупный серебряный «бубенчик»-пуговица (Рис. 2, 1). На них прослеживается декор из припаянных окружностей со сквозным отверстием в центре окружностей. Близкий орнамент отмечен у пуговиц-«бубенчиков» в материалах уже упоминавшегося Новохарьковского могильника XIII–XIV вв. на Дону [16, с. 56, рис. 21, 4–6].

Другой тип пуговиц-«бубенчиков» (Рис. 1, А-2) также из серебра, пуговицы шаровидной формы, с уплощенным ушком подтреугольной формы для привешивания (Рис. 2, 2). Тулово диаметром в 1 см, диаметр отверстия ушка – 0,3 см.

Еще одна пуговица (Рис. 2, 8) из погребения № 94, изготовленная из слабовыпуклой створки раковины морского моллюска, округло-многоугольной формы. В ее центральной мишени просверлено сквозное отверстие, в которое вставлена бронзовая проволока, согнутая пополам таким образом, что под ракушкой она образует петлю. На выходе из отверстия наружу раковины концы проволоки слегка разведены в разные стороны, что не позволяло проволочной петле выскакивать из отверстия. Интересно, что в материалах курганного могильника «Криница» (под Геленджиком), в нескольких отдельных захоронениях лошадей, также было выявлено несколько изделий из раковин морских моллюсков, но иной формы и иного утилитарного назначения.

Особый интерес представляет, например, глиняная пуговица (мелкопористый кашин молочно-белого цвета в изломе), полностью покрытая поливой с одной (внешней) стороны бирюзового цвета, а с другой – синего цвета с зеленоватым отблеском (Рис. 2, 4). Пуговица находилась между бедренными костями погребенной (погр. № 94), к З от коленного сустава (Рис. 1, А-4). Она имела два сквозных отверстия (Рис. 2, 4). Мы уже указывали на предварительное (в научном отчете) ошибочное ее обозначение как «пуговицы из стеклянной пасты»,

что является характерным и для многих других атрибуций находок подобных предметов. Диаметр пуговицы 1,6 см, толщина 0,4 см, диаметр отверстий 0,3 см.

Подобные предметы (детали одежды), помимо территории Золотой Орды, имелись, например, в г. Новом Сарае [36, с. 71, тип VI]. Близкие, но «зубчатой» по краям конфигурации, находки таких же пуговиц из золотоордынского кашина ныне известны из материалов XIII – XIV вв. недавних раскопок Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии [37, с. 63, рис. 5, 1–16]. Но наиболее близкие аналогии связаны с погребальными памятниками горной Ингушетии XIII–XIV вв. [28, с. 78, рис. 4, 6, с. 79, рис. 5, с. 80, рис. 6, 2–4, с. 82, рис. 7, 40, 49–50, 38, с. 103, рис. 2], куда они, несомненно, попадали из Золотой Орды и, скорее всего, через Татартуп – так называемый Верхний Джулат. Отмечены они и в христианских захоронениях, например, у одной из церквей Ильичевского городища на р. Уруп (исследование В.Н. Каминского, не опубликовано), а также близ церкви Иоанна Предтечи в Керчи [39, с. 372, рис. 17, 57–60, с. 374, рис. 18, 7–9, 39–42]. Несколько пуговиц известно и из Восточной Картли (Грузии), где такие же пуговицы связаны с погребальными комплексами «XII–XIV вв.» могильника Накалакари, отождествляемого с городским кладбищем средневекового города Жинвали. Но и там такие же пуговицы ошибочно называют «стеклянными» [40, с. 163–180, табл. LXVI; 41, с. 12, рис. 3, 10], на что уже указывалось в литературе [38, с. 100]. Если происхождение кашинных пуговиц Змейского катакомбного могильника и из публикуемого нами захоронения с Кубани и Крыма, из погребений высокогорной Ингушетии было связано с их производством и торговлей внутри Золотой Орды, то не совсем ясно происхождение таких же пуговиц из Восточной Грузии. Было ли это следствием существования аналогичных ремесел на территории государства Хулагуидов или же результатом миграционных процессов, в частности, известного по письменным источникам переселения в начале 1260-х гг. части северокавказских аланов из округа Деякова – Верхнего Джулата – Татартупа в Закавказье. Тогда, как известно, «овска» и «царствующая особа» Лимачав, длительное время опосредовавшая власть Джучидов в данном микрорегионе Северного Кавказа, вместе со своими двумя малолетними сыновьями-царевичами – Бакатаром и Пареджаном, а также с князьями из ближайшего окружения уходит с войсками Хулагуидов из Придарьяля. Представ сначала «перед самим Хулагу», Лимачав, как это описывал грузинский «Хронограф» XIV в., получает от него «вознаграждение за службу». Вассально зависимый от Ильханов грузинский царь определяет этим северокавказским переселенцам места для постоянного их проживания – «некоторые из них» оказываются в г. Дманиси, а другие в г. Жинвали [42, с. 200]. Вполне вероятно, что в контексте данного сообщения можно рассматривать причины некоторого притока в Восточную Грузию различных золотоордынских импортов, включая и интересующие нас детали одежды, в том числе и кашинные пуговицы. А из Грузии на территорию Восточного Придарьяля стали активно поступать собственно «грузинские» предметы материальной культуры, разнообразие которых давно отмечалось не только в погребальном

инвентаре горных могильников Восточного Придарьяля этого же времени. На территории городища Верхний Джулат – Татартуп В.А. Кузнецовым были выявлены и грузинские эпиграфические находки.

В публикуемых нами погребениях могильника поселения «Железнодорожное-2» было и несколько украшений. Среди них – раковина каури (Рис. 2, 9) из погр. № 94, обнаруженная под плечом, непосредственно у грудной клетки погребенной. Такие находки являются характерными для археологических материалов золотоордынского времени, их аналогии можно встретить не только в пределах всей Золотой Орды, включая, например, захоронения могильника Мамай-Сурка на Украине [31, рис. 20, 3, с. 215, рис. 74, 4, с. 225, рис. 136, 4 и др.]. Известны они и в высокогорной Ингушетии [28, с. 82, рис. 7, 33], территория которой, как известно, в пределы Золотой Орды не входила.

Среди украшений была *привеска* из гагата (Рис. 2, 10), находившаяся под плечом, рядом с раковиной каури. Привеска – подтрапециевидной формы с выступом в верхней части (сбоку выступа – сквозное отверстие). Высота предмета 2,8 см, ширина – 1,9 см, толщина 0,9 см. Диаметр отверстия – 0,25 см. Близкие по форме привески, но из других различных материалов, хорошо известны в золотоордынских памятниках: привеска из сердолика происходит, например, из материалов XIII–XIV вв. г. Болгара [43, с. 62, рис. 4, 2]. Близкая, но подтреугольной формы привеска из кашина, покрытая поливой, есть в материалах золотоордынского времени Змейского катакомбного могильника [37, с. 61, рис. 4, 9, 13].

Разнотипные бусы (Рис. 2, 10; Рис. 5, 3) различаются не только по своей форме, но и материалу, из которого они изготовлены: стекло, сердолик и халцедон, в публикуемых нами материалах они немногочисленны.

Описываемые стеклянные бусы хорошо известны в золотоордынских памятниках Восточной Европы [44, с. 149–217]. В погребении № 94, под нижней челюстью погребенной отмечена бусина округлой формы из сердолика молочного цвета (Рис. 2, 10), диаметром 0,8 см, диаметр отверстия 0,1 см. Сердоликовые бусы яркого цвета с различными оттенками, как известно, были известны широко в эпоху средневековья. Обычно указывают на Индию и Южную Америку как регионы с давними традициями добычи и обработки сердолика, хотя отмечается наличие таких же месторождений «в Крыму, в Бурятии и Якутии, и Хабаровском крае». Со ссылкой на ал-Бируни отмечается, что многие средневековые ремесленники «питали нелюбовь к сердолику по причине его неподатливости к обработке». Однако в разных регионах мира были известны приписываемые сердолику, якобы, лечебные свойства – облегчение при родах, в излечении опухолей, прыщей и ран от меча. В грузинском источнике X в. сохранилась рекомендация по растворению сердолика в воде и растиранию этой водой больного [43, с. 11]. По типологии М.Д. Полубояриновой, публикуемая сердоликовая бусина может быть сопоставлена с типом 1 – шаровидные, округлые в сечении бусы. Сердоликовые бусы данного типа хорошо известны в материалах эпохи Золотой Орды.

Обе халцедоновые бусины – округло-шестигранные, высотой 1,6 и 1,7 см, диаметром 1 и 1,2 см, диаметр отверстия 0,2 и 0,3 см.

Как известно, халцедон – разновидность кварца, полупрозрачный камень разных цветов. Его месторождения обычно соседствуют с месторождениями сердолика. На территории России халцедон известен в Забайкалье, Сибири (по Енисею и Лене), на Урале, в Крыму и соседних странах – в Грузии, Средней Азии, Китае, в Европе [43, с. 36–37]. Бусы из халцедона хорошо известны в древностях эпохи Золотой Орды.

Важными, на наш взгляд являются находки целой и фрагментированной серег с асимметричной бусиной из погр. № 177 (Рис. 4, 2).

Первая серьга (Рис. 4, 2) отмечена с левой стороны погребенной, под черепом. Орнаментированная асимметричной формы бусина серьги – из серебра, на несомкнутом серебряном кольце. Полая внутри бусина спаяна из двух полусферических частей, поверх места соединения рельефно выступающих их краев, по спайке, проходит узкая пластинка, декорированная косыми насечками. Конусы бусины украшены окружностями, составляющими треугольную фигуру. Кольцо диаметром 2,4 см, толщиной (диаметр прута) 0,2 см. Максимальный диаметр бусины – 2,2 см, диаметр вершины конусов 0,6 см.

Справа от черепа, под нижней челюстью погребенной находились сильно фрагментированные осколки второй такой же серьги с асимметричной биконической бусиной, но, в отличие от первого украшения, серебряная полая бусина второй серьги была «нанизана» не на серебряное, а на бронзовое кольцо.

Точно такие же серьги, но без орнамента, ныне хорошо известны по линии Геленджик – Туапсе, Новороссийск – Анапа – Крымск [45, с. 217; 46, с. 211], за пределами этого ареала отдельные находки таких серег отмечены в горах Северной Осетии, в материалах могильника Мамай-Сурка в Запорожье [46, с. 211], а также в захоронении № 47 западного придела церкви «Святых 40 мучеников» в Велико-Тырново (Болгария) [47, с. с. 141, обр. 5]. В любом случае, такие серьги с асимметричной бусиной справедливо рассматривают как наиболее поздний дериват украшений типа IV (с симметричной биконической бусиной), имеющий и другой вариант (тип V) – биконическая бусина с коническими выступами на ней [36, с. 38, рис. 6, IV и V]. Е.А. Армарчук серьги с асимметричной бусиной датирует даже «XIV–XV вв.» [46, с. 211]. Однако с этнокультурной точки зрения серьги типов IV и V, следовательно, и серьги с асимметричной бусиной нередко называют сугубо «половецкими», категорически датируя их «домонгольской» эпохой [48, s. 127 – 140, 49, с. 42]. В других случаях исследователи полагают: «нельзя полностью исключать, что такой тип украшений мог бытовать у северокавказских кочевников и в XI – начале XIII вв.» [50, с. 239]. Однако ссылки С.Н. Малахова и его армавирских коллег на мнение Г.А. Федорова-Давыдова и Е.А. Армарчук, якобы, настаивавших на указанном, исключительно «половецком», их тождестве, не совсем соответствуют действительности. Книга Г.А. Фёдорова-Давыдова, на которую они ссылаются – это цельная и все время «развивающаяся» от первой до последней страницы

система размышлений Г.А. Фёдорова-Давыдова, из которой «выдергивать» отдельные фразы или предложения, не разобравшись во всей этой системе, как минимум, непродуктивно. Если набраться терпения и дочитать всю совокупность аргументов Г.А. Фёдорова-Давыдова, т.е. дочитать ту же самую работу чуть-чуть дальше, то речь идет о том, что «особое внимание ... вызывают серьги или височные кольца типа IV и (их вариант) типа V (т.е. с «рогатой» бусиной. – Авт.). Эти серьги в домонгольское время были распространены только в Поросье и на Киевщине. Такой узкий ареал ранних находок серег IV и V типов заставляет предположить, что они принадлежали черным клобукам» [36, с. 153], невзирая даже на то, что «в археологической литературе за серьгами типа IV закрепилось ни на чем не основанное название «половецкие серьги» или височные кольца» [36, с. 153, прим. 113]. В результате и была сформулирована версия Г.А. Фёдорова-Давыдова (1966 г.) о возможной миграции кочевников из Поросья (черные клобуки) в Поволжье, в Пруто-Поднестровье и на Северный Кавказ, происшедшей в золотоордынское время. Наличие таких украшений (тип IV и V, а теперь и варианта типа IV с асимметричной бусиной) на Северном Кавказе золотоордынского времени, включая и такую находку в золотоордынском г. Маджаре на р. Куме, обусловило не только «реанимацию» этой версии. Такая миграция на Северный Кавказ, по мнению одного из авторов данной статьи, могла произойти под эгидой Ногая, уже контролировавшего территорию Поросья и в 1260-х гг. отправленного под Дербент для участия в военных действиях против Хулагуидов. Данное переселение вряд ли представляло собой передвижение только «ограниченного воинского контингента», как полагают, например, И.Н. Анфимов и Ю.В. Зеленский, а представляло собой массовое перемещение, напоминающее присущие и вполне традиционные для кочевников черты «освоения новых территорий», в рамках которого обычно происходило массовое перемещение целыми родами, ордами, хогонами и семьями [45, с. 212–223; 51, с. 138–150]. Е.А. Армарчук по поводу этого варианта версии отметила: «Е.И. Нарожный поддерживает и развивает гипотезу Г.А. Фёдорова-Давыдова о перемещении черных клобуков в золотоордынское время». В качестве «археологической базы Е.И. Нарожный использует, главным образом, северокавказские комплексы с кочевническими украшениями, в т.ч. височными кольцами с биконической бусиной и дериваты». «Концепция Е.И. Нарожного интересна и, возможно, перспективна, если в дальнейшем будут подключаться не только вещевые комплексы, но и сопутствующий им погребальный обряд и обоснованные датировки. Пока же привлеченных комплексов слишком мало ... и часть их является случайными находками» [46, с. 204]. С этими утверждениями можно было уже тогда соглашаться не во всем. Указывая на типологизированные Г.А. Фёдоровым-Давыдовым черноклобуцкие погребальные обряды [46, с. 204], Е.А. Армарчук, на что уже указывалось в литературе [52, с. 713 – 732], ссылаясь именно на черноклобуцкие типы кочевнических захоронений (БХIII–БХIV) Г.А. Фёдорова-Давыдова, связывает их ... с «половцами» [53, 37–41]. Однако Г.А. Фёдоров-Давыдов писал совершенно об

обратном. Некоторую ясность в этом отношении недавно внес проф. В.А. Иванов. Расширяя исходную источниковую базу для новой статистической обработки средневековых кочевнических захоронений, он включил и соответствующие погребальные комплексы с территории Северного Кавказа, что позволило ему констатировать факт некоторой типологической обособленности курганов XIII–XIV вв. степей Северного Кавказа в сравнении с синхронными памятниками в большинстве локальных курганных групп Восточной Европы (за исключением Правобережной Украины и Волго-Донского междуречья). «На мой взгляд, – продолжает В.А. Иванов, – это хорошо согласуется с концепцией И.А. Дружининой, В.Н. Чхаидзе² и Е.И. Нарожного о переселении в середине XIII в. кочевников южнорусского пограничья – черных клобуков – на Северный Кавказ. Их потомки и через сто лет продолжали составлять основную часть населения этого региона» [54, с. 61]. На этом фоне необходимо указать и на новые находки серег типа IV на территории Калмыкии, которые позволили их исследователям утверждать: «в целом, наиболее предпочтительной выглядит гипотеза Г.А. Фёдорова-Давыдова и Е.И. Нарожного о перемещении значительных групп кочевников (черных клобуков) в золотоордынское время (XIII – XIV вв.) из Поросья и южнорусского пограничья в Поволжье и на Северный Кавказ» [50, с.239]. На этом фоне необходимо обратить внимание и на то, что некоторые погребальные обряды (типы Б XIII и Б XIV по типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова), известные, например, в курганах под Анапой – Новороссийском [32, с. 112; 53, с. 37–41], на наш взгляд, не совсем обоснованно были датированы в пределах только XII в. [32, с. 112], что явно противоречит мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова, который считал их характерными для черных клобуков золотоордынского времени. Да и опубликованное относительно недавно еще одно захоронение этого типа из Цемдолинского могильника под Новороссийском, по мнению Е.А. Армарчук и А.А. Малышева, было с незначительными отличиями от «классических» захоронений типа Б XIII (по той же типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова). Это, в принципе, должно отражать различные реалии того времени, включая и активные миксационно-ассимиляционные процессы, приводившие, вероятно, к «модернизации» привнесенных сюда извне традиционных обрядов, включая и обряды, характерные для черных клобуков, оказавшихся на Северном Кавказе [56, с. 138–142, 57, с. 208–215]. В итоге их активное участие в местных этнокультурных процессах, так или иначе, должно было не только трансформировать привнесенную обрядность, но и заметно влиять хотя бы на какую-то их часть местных обрядов. В других случаях, подобное

2 В.А. Иванов, обосновывая свой вывод, ссылается на весь авторский состав коллектива использованной им коллективной монографии, но, наверное, не обратил внимания на то, что в целом ряде примечаний мы использовали такие ссылки: «прим. И.А. Дружининой и В.Н. Чхаидзе» или «прим. Е.И. Нарожного». Обусловлено это было отнюдь не тем, что «авторы не пришли к единой точке зрения», как полагает Ю.В. Зеленский [55, с.142]. Все три указанных автора заранее договорились о том, что, при наличии у них принципиально разных мнений об этнокультурной принадлежности публикуемых захоронений, каждый останется при своем мнении, обозначив это в соответствующих примечаниях. По-крайней мере, такая договоренность позволила совместно ввести в научный оборот публикуемый материал, сохранив при этом и свои убеждения.

этнокультурное взаимодействие могло приводить и к полному «растворению» части черных клобуков в местной этнокультурной среде, на что явно указывает, например, одно из трупосожжений Цемдолинского могильника, в инвентаре урны которого была и серьга типа V. Среди других, также черноклобуцких, захоронений на том же могильнике были и коллективные [58, с. 154–158; 59]. Самые ранние из них изначально сопровождалась скелетом лошади, но со временем эта традиция забывалась. Постепенная и неоднозначная интеграция черных клобуков вполне объясняет и отмечаемые инновации, встречаемые не только в погребальной обрядности, но и в материальной культуре кочевников, наглядно демонстрирующей происходившие изменения. В результате чего происходит не только распространение в регионе украшений типов IV и V, но и, как это отмечает Е.А. Армарчук, малозаметные изменения таких украшений в их разновидности, которые были встречены в публикуемом захоронении № 177 (серьги варианта импа IV с асимметричной бусиной). Также «кривизна и длина цемдолинских сабель» стала вполне «укладываться в соответствующие параметры черноклобуцких древностей XII – первой пол. XIII в.» [33, с. 95]. Ныне известны и другие черноклобуцкие заимствования в военном деле обитателей Северного Кавказа [67, с. 599 – 640].

Вместе с тем, на фоне объективного нарастания тех или иных доказательств в пользу современных представлений о времени и условиях появления и пребывания черных клобуков на Северном Кавказе, по-прежнему, сохраняется и определенный скепсис в отношении данной проблемы. Например, ссылаясь на другого своего предшественника, также являвшегося одним из основных наших оппонентов, В.Г. Блохина (г. Волгоград), В.Н. Чхаидзе практически отвергает вышеотмеченную гипотезу Г.А. Фёдорова-Давыдова и ее развитие Е.И. Нарожным. Аргументирует он это ссылкой на наблюдения Е.А. Армарчук 2006 г., полагая, что: «такие украшения не являются этноопределяющим» показателем [60, с. 231]. К тем же наблюдениям Е.А. Армарчук апеллирует и С.Н. Малахов вместе с группой своих армавирских коллег-историков [49, с. 42]. Е.А. Армарчук, стремясь разобраться в проблеме возможного этнокультурного генезиса интересующих нас украшений, действительно, писала о неясности их этнокультурной принадлежности. Тем не менее, она вполне определенно подчеркивала: «Те новые материалы, которые появились после выхода в свет трудов С.А. Плетневой и Г.А. Фёдорова-Давыдова о средневековых кочевниках, не позволяют нам уверенно связывать эти украшения с конкретным кочевым народом. Значит термин «половецкие серьги» следует применять только как дань традиции, помня о его условности, ибо он не исчерпывает реальное распространение этих украшений» [46, с. 213–214]. Кроме того, В.Н. Чхаидзе указывает, что появление на Северном Кавказе «височных колец³ с биконической нанизкой и коническими шипами Е.И. Нарожный связывает с высказанной им

3 Здесь мы солидарны с Е.А. Армарчук в том, что подобные украшения являются серьгами, а не височными подвесками или кольцами, как их называет В.Н. Чхаидзе.

гипотезой о переселении беклярибеком Ногаем⁴ в 60-е годы XIII в. черных клобуков с территории Поднестровья и Побужья в Предкавказье. ... Однако какие-либо данные о деятельности Ногай в западном улусе Золотой Орды до 70-х гг. XIII в. отсутствуют», что не так однозначно [51, с. 138–150]. Ссылаясь на две работы В.Г. Блохина, к сожалению, недавно и безвременно ушедшего из жизни, В.Н. Чхаидзе разделяет его умозаключение о том, что появление «Ногай в 60-х гг. на Северном Кавказе не означает перемещения черных клобуков в этот регион». Действительно, В.Г. Блохин последовательно, в нескольких своих публикациях (их полный перечень см.: [21, с. 165–169, 58, с. 154–158]), не соглашался с указанной версией. Однако В.Н. Чхаидзе не учитывает, например, еще одну из последних работ В.Г. Блохина, опубликованную им совместно с М.В. Кривошеевым. Публикуя новое кочевническое захоронение из Волгоградской области, в инвентаре которого были и серьги типа V (с «рогатой» биконической бусиной), указанные авторы признают: «наблюдения ... о перемещении в золотоордынский период поросских кочевников в Поволжье находят еще одно подтверждение» [61, с. 322]. Полагаю, что это – шаг к признанию того факта, что исход в XIII в. черных клобуков из мест традиционных кочевий – мера, прямо связанная с политической обстановкой золотоордынского времени, во многом предопределившая не только сам этот исход, но и его широкую географию. Г.А. Фёдоров-Давыдов, картографировавший основные направления таких миграций, все же учитывал и опирался на гораздо более широкий спектр факторов таких перемещений.

В.Н. Чхаидзе солидарен и с Е.А. Армарчук в том, что «датировки Е.И. Нарожным височных колец завышены» [60, с. 231]. Тезис этот, в принципе, понятен, но в данном случае он выглядит в значительной мере голословным, т.к. нет никаких конкретно указанных тому доказательств. Наоборот, выше мы уже приводили примеры того, как те или иные авторы, ссылаясь на разные страницы одной монографии Г.А. Фёдорова-Давыдова, «отстаивали» разную, преимущественно «домонгольскую», а не золотоордынскую принадлежность одних и тех типов «половецких» или же не совсем «половецких» украшений.

Завершая свой обзор, мы сошлемся и на значительно более широкий ареал бытования серег типов IV, V, а также и с асимметричной бусиной, ныне известных не только в составе «клада XIV в. в Будешты» [36, с. 153]. Сегодня они присутствуют на территории Болгарии [47, с. 141, обр. 5, 62, с. 109, 63, с. 30, рис. 20, 1, 64, с. 33, фиг. 33, а] и Румынии [65, с. 303, рис. 1, 5–6, с. 304, рис. 2, 1–2, 5–6]. Вероятно, и эти артефакты также были связаны своими истоками с черными клобуками Поросья, оказавшимися в орбите политической активности все того же Ногай, из-под Дербента, вернувшегося на придунайские границы Золотой Орды и возглавившего затем военные вторжения в пределы Юго-Восточной Европы. Возможно, что участие черных клобуков в этих акциях

4 Если быть более точным, речь шла не о преднамеренном «переселении Ногаем» черных клобуков, а об отправке золотоордынской администрацией Ногай к Дербенту. Ногай же вовлек в этот процесс многих из подчиненных ему кочевых подразделений с территории своего домена.

поспособствовало распространению указанных типов украшений и в отмеченных европейских ареалах. Любопытно, что там, в местных условиях, эти, явно привнесенные, украшения очень быстро превращаются в дериваты с явными следами их местной доработки [66].

Таким образом, вводимые в научный оборот всего лишь два грунтовых захоронения могильника поселения «Железнодорожное-2» не только представляют определенный научный интерес, но и дают конкретные поводы для их историко-культурной интерпретации. Они демонстрируют, например, приверженность части населения, оставившего этот некрополь, к общезолотоордынской культуре, ее торгово-ремесленным традициям, «обеспечивавшим» это население характерными для всей территории Золотой Орды предметами – предметами домашнего быта и обихода (проколки, иголки, зеркала и пр.), украшениями (раковины каури, стеклянные, сердоликовые и пр. бусы, привески и т.д.). Находясь в среде активных этномиксационных процессов, отдельные захоронения или даже их группы сохранили некоторые, хотя и не всегда яркие, маркеры тех или иных традиций, восходящих к возможным этнокультурным истокам явно «домонгольского» времени, что, бесспорно, может указывать на географию их происхождения. Другие материалы этого же могильника позволяют рассматривать отдельные аспекты, до сих пор являющиеся спорными и дискуссионными, но явно свидетельствующие о значительно более глубоких процессах формирования материальной культуры Золотой Орды, известный «синкретизм» которой определяется участием в процессе значительно более широкого, евразийского этнокультурного представительства. Полагаем, что по мере дальнейшего ввода в научный оборот погребений данного грунтового могильника указанные явления и процессы получат еще большее подтверждение и развитие.

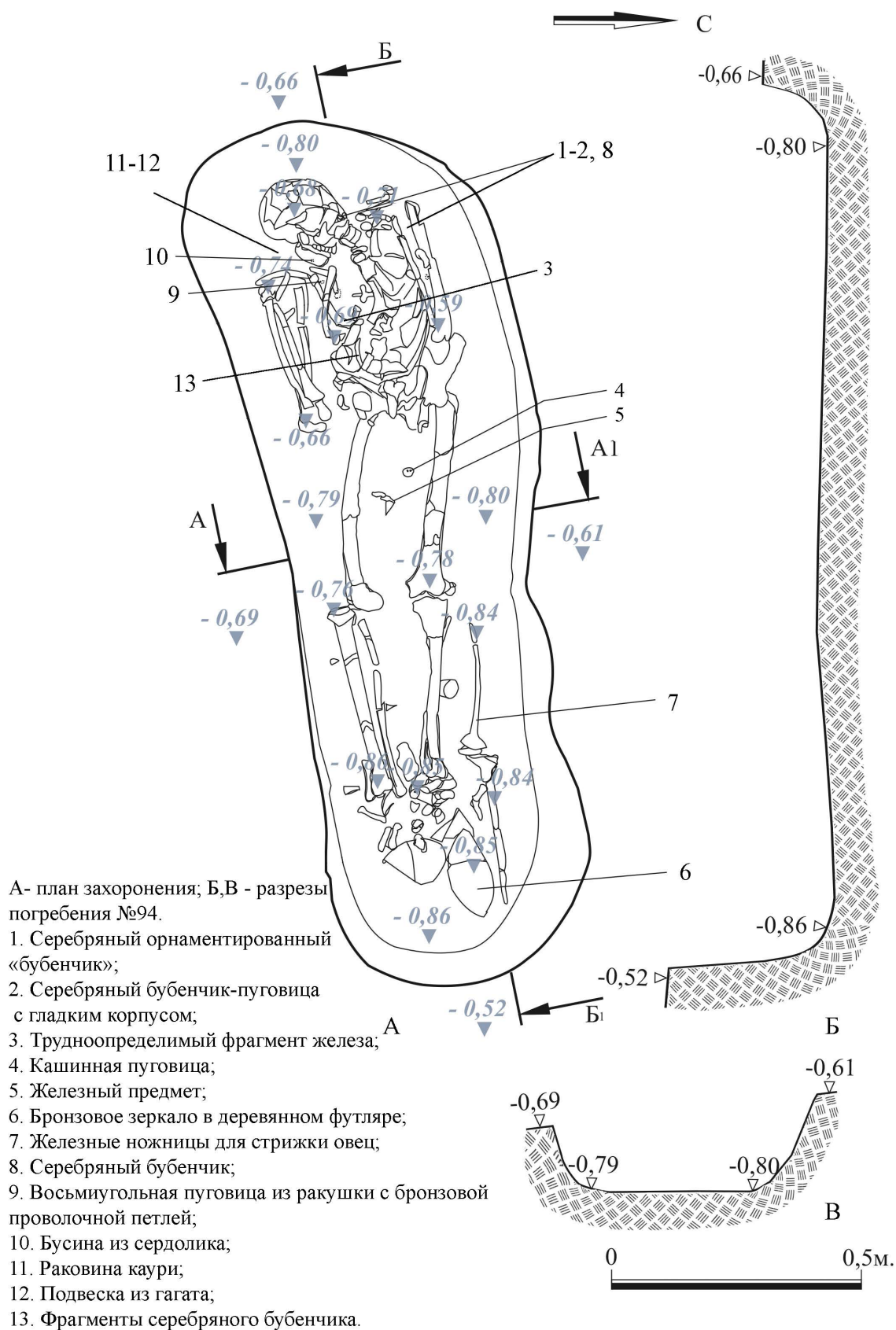

Рис.1. Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2». План и разрезы погребения № 94. А – план; Б-В – разрезы

Fig. 1. Soil burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2". Plan and sections of burial No. 94. A-plan; B-C-sections

Рис. 2. Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2». Погребальный инвентарь захоронения № 94

Fig. 2. Underground burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2". Burial inventory of burial No. 94

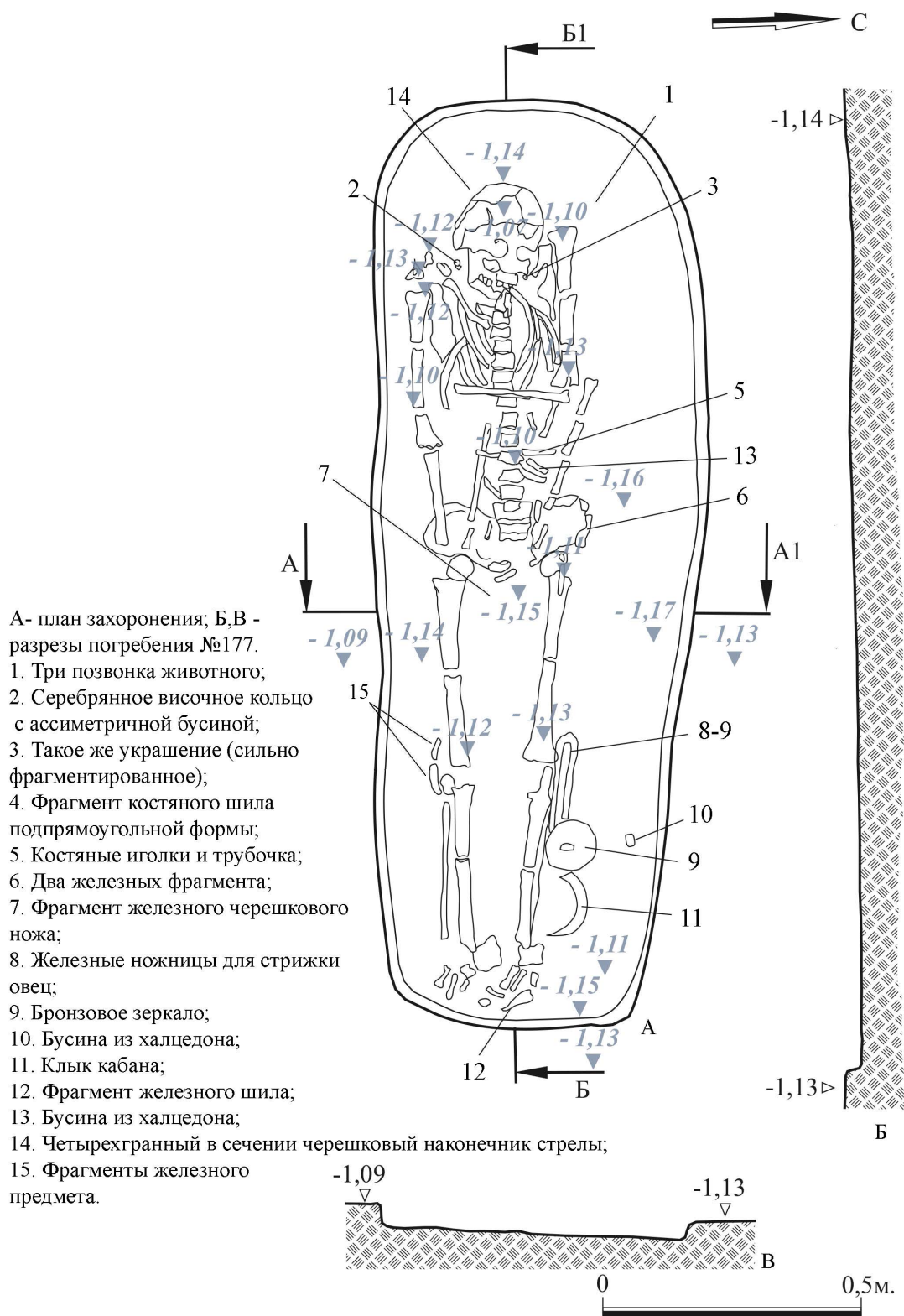

Рис. 3. Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2». План и разрезы погребения № 177. А – план; Б-В – разрезы

Fig. 3. Underground burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2". Plan and sections of burial № 177. A-plan; B-C-sections.

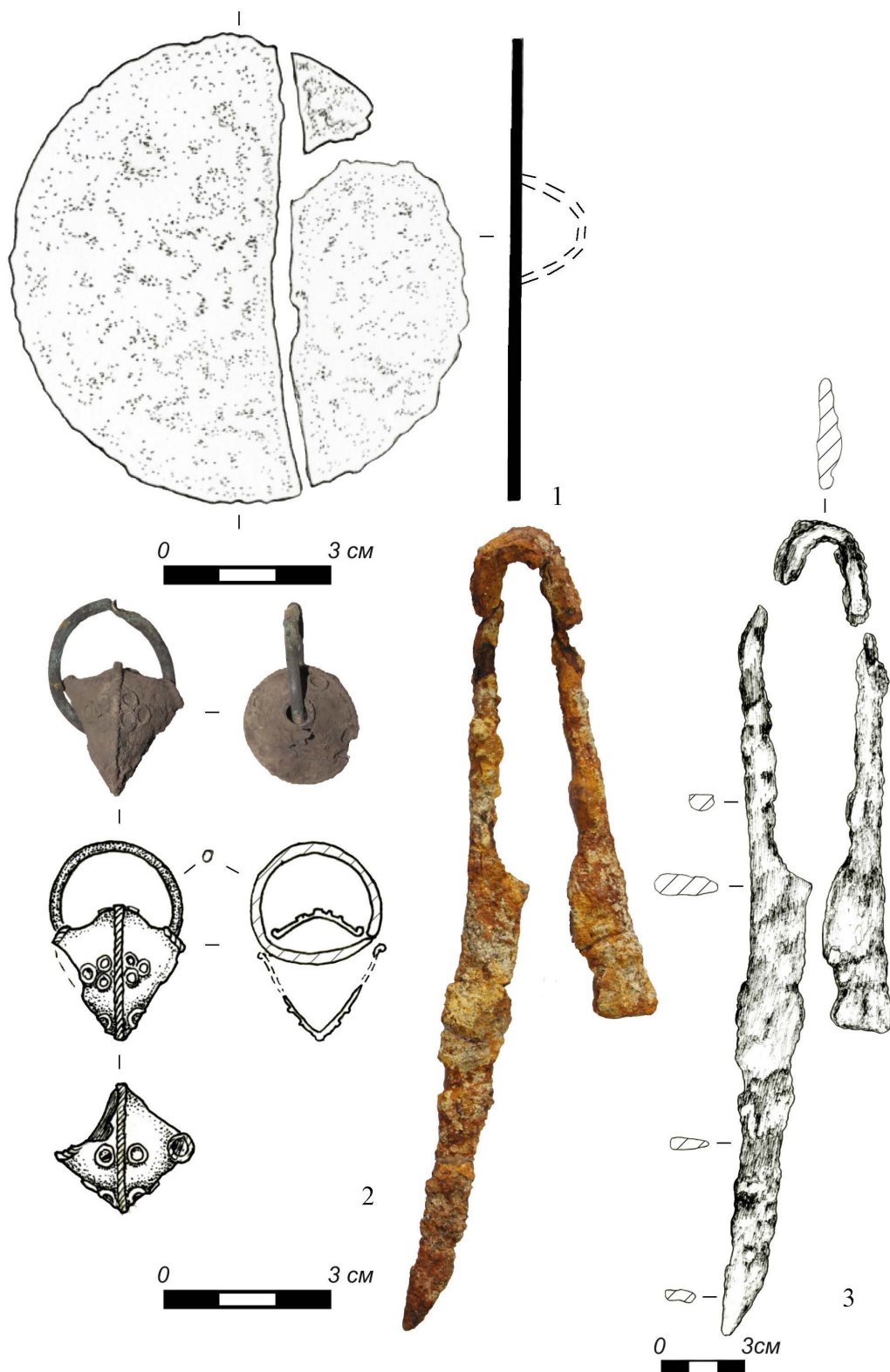

Рис. 4. Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2». План и разрезы погребения № 177. Погребальный инвентарь

Fig. 4. Underground burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2". Plan and sections of burial № 177

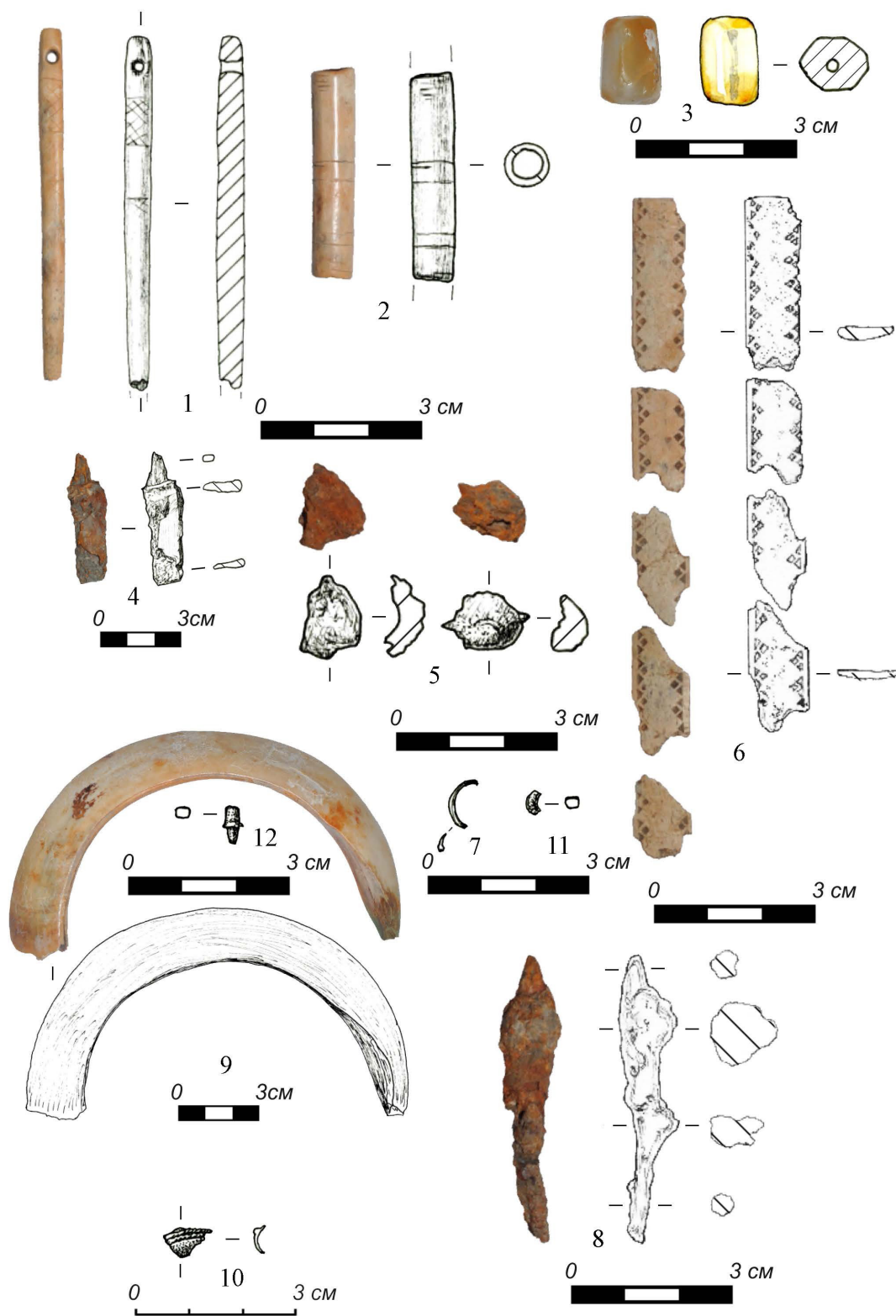

Рис. 5. Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2». План и разрезы погребения № 177. Погребальный инвентарь

Fig. 5. Underground burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2". Plan and sections of burial № 177

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Нарожный Е.И., Соков П.В., Тищенко И.Б. Охранно-спасательные исследования на грунтовом могильнике поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2014. С. 374–376.

2. Василенко Д.Э., Жеребилов С.Е., Тищенко И.Б. Археологические исследования средневекового поселения «Железнодорожное-2» в Крымском районе Краснодарского края (предварительное сообщение) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2014. С. 329–330.

3. Барагамьян Р.А., Василенко Д.Э., Тищенко И.Б. Две группы позднесредневековых керамических сосудов из поселения Железнодорожное-2 // Археология и этнография Понтийско-кавказского региона / под ред. И. Кузнецова. Вып. 2. Краснодар: КубГУ, 2014. С. 29–42.

4. Жеребилов С.Е., Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Железнодорожный II (Западное Закубанье, долина реки Адагум) (XIII–XIV вв.) // Археология евразийских степей. Вып. 23: Материалы Первого межрегионального Маджарского археологического форума / Отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдинов. Составитель Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 10–15.

5. Мокрушин В.П. Нарожный Е.И., Соков П.В. О внутренней топографии поселения XIII–XV вв. «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края): предварительные наблюдения // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова). Казань – Ялта – Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 221–224.

6. Василенко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. Комплекс керамики XIII–XV вв. поселений и могильника в Крымском районе Краснодарского края // V (XXI) Всероссийский Археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул: ФГБОУ ВО «АлтГУ», 2017. С. 186–187.

1. Narozhnyj EI., Sokov PV., Tishenko IB. Security and rescue research at the underground burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2" (Krymsky district of Krasnodar Krai). *E. I. Krupnov and the development of archeology in the North Caucasus. XXVIII "Krupnosti reading." Proceedings of the international scientific conference (Moscow, April 21-25, 2014)*. [E.I. Krupnov i razvitie arheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chteniya». *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21-25 aprelya 2014 g.)*. Moscow: IA RAS, 2014:374-376 (In Russ).

2. Vasilinenko DE., Zherebilov SE., Tishenko IB. Archaeological research of the medieval settlement "Zheleznodorozhnoye-2" in the Crimean district of Krasnodar territory (preliminary report). *E. I. Krupnov and the development of archeology in the North Caucasus. XXVIII Kropkowski read (Moscow. April 21-25, 2014)*. [E.I. Krupnov i razvitie arheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chteniya». *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21-25 aprelya 2014 g.)*. Moscow: IA RAN, 2014:329–330. (In Russ).

3. Baragamyan RA., Vasilinenko DE., Tishenko IB. Two groups of late medieval ceramic vessels from the settlement of Zheleznodorozhnoye-2. *Kuznetsov I, editors Archeology and Ethnography of the Pontic-Caucasus region- [Arheologiya i etnografiya Pontijsko-kavkazskogo regiona]*. Vyp. 2. Krasnodar: KubGU, 2014. 29–42. (In Russ).

4. Zherebilov SE., Maslovskij AN. Ceramic complex of the settlement Zheleznodorozhny II (Western Zakubanye, Adagum river valley) (XIII-XIV centuries). *Archeology of the Eurasian steppes. Issue 23: Materials of the First interregional Madzhar archaeological forum (Pyatigorsk, Budennovsk, September 24-25, 2012)*. [Materialy Pervogo mezhdunarodnogo Madzharskogo arheologicheskogo foruma (Pyatigorsk, Budyonnovsk, 24-25 sentyabrya 2012 g.)]. Kazan: publishing house "Kazan real estate", 2016: 10-15. (In Russ)

5. Mokrushin VP. Narozhnyj EI., Sokov PV. About the internal topography of the settlement of the XIII-XV centuries. "Railway-1" (Krymsky district of Krasnodar territory): preliminary observation. *Dialogue of urban and steppe cultures*

7. Василенко Д.Э., Тищенко И.Б. Керамический комплекс Нижнего Прикубанья золотоордынского времени. Предварительное сообщение // Археология евразийских степей. (Материалы VIII международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова»). Казань, 2018. №4. С. 216–221.

8. Майко В.В., Василенко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б. Материалы к типологии, хронологии и клеймению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и Западного Закубанья) // Боспорские исследования. Симферополь: КФУ, 2014. №. XXX. С. 329–337.

9. Василенко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. Комплекс предметов вооружения из культурного слоя поселений «Железнодорожное», «Железнодорожное» № 1 и № 2» XIII–XV вв. (Крымский район Краснодарского края) // V (XXI) Всероссийский Археологический съезд. Барнаул: ФГБОУ ВО АлтГУ, 2017. С. 188–189.

10. Нарожный Е.И., Соков П.В. Предметы вооружения из культурного слоя поселений Железнодорожное-1 и 2 (XIII–XV вв.) (Крымский район Краснодарского края) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе Сборник научных статей в 3-х томах. Т. 2. / Отв. ред. А.П. Деревянко и А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 283–287.

11. Нарожный Е.И., Тищенко И.Б. Грунтовый могильник XIII–XIV вв. поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края) // Археология евразийских степей (Материалы VIII международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова»). Казань, 2018. №4. С. 141–148.

12. Нарожный Е.И. Археологические памятники XIII–XV вв. на Кубани: (некоторые актуальные направления в их изучении) // Социально-гуманитарный вестник. 2019. Вып. 24. С. 22–32.

13. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В. Средневековые курганы урочища «Молоканова Щель» (г. Геленджик – сел. Прасковеевка) // Археология евразийских степей Материалы VIII международной

in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh international conference dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov).[Dialog gorodskoj i stepnoj kultur na evrazijskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy. Materialy Sedmoj mezhdunarodnoj konferencii, posvyashennoj pamyati G.A. Fedorova-Davydova)]. Kazan-Yalta-Kishinev: Stratum plus, 2016. 221-224 (In Russ)

6. Vasilinenko DE., Narozhnyj EI., Sokov PV. Complex of ceramics of the XIII–XV centuries settlements and burial grounds in the Crimean district of Krasnodar territory. V (XXI) Vserossijskij Arheologicheskij sezd. Sbornik nauchnyh trudov. Barnaul: FGBOU VO «AltGU. 2017:186–187. (In Russ)

7. Vasilinenko DE., Tishenko IB. The ceramic complex of the Lower Kuban region of the Golden Horde time. Preliminary report. Archeology of the Eurasian steppes. (Materials of the VIII international conference " Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space, dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov).2018;4:216-221. (In Russ)

8. Majko VV., Vasilinenko DE., Sokov PV., Tishenko IB. Materials for the typology, chronology and branding of certain types of Byzantine amphorae of the XIII-XIV centuries. (based on the materials of the Eastern Crimea and Western Zakuban). Bosporan research. 2014;XXX:329-337. (In Russ)

9. Vasilinenko DE., Narozhnyj EI., Sokov PV. Complex of weapons items from the cultural layer of the settlements "Railway", " Railway "№ 1 and №2 "XIII-XV centuries. (Krymsky district of Krasnodar territory). V (XXI) All-Russian Archaeological Congress. Barnaul: FGBOU IN Alt-su. 2017:188-189. (In Russ).

10. Narozhnyj EI., Sokov PV. Items of weapons from the cultural layer of the settlements of Zheleznodorozhnoye-1 and 2 (XIII-XV centuries) (Crimean district of Krasnodar territory). Derevyanko A.P. i Tishkin A.A. editors Proceedings of V (XXI) All-Russian archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha Collection of scientific articles in 3 volumes. [Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo sezda v Barnaule-Belokurihe Sbornik nauchnyh statej v 3-h tomah]. Vol. 2. Barnaul: publishing house of Altai State Technical University. 2017:283-287 (In Russ).

конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве, посвященной посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. 2018.№4. С. 399–446.

14. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В. Предварительные итоги раскопок археологических памятников урочища «Молоканова щель» (сел. Прасковеевка – г. Геленджик Краснодарского края) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КГУ, 2018. С. 448–451.

15. Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2009-2010 гг. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2011. – 174 с.

16. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Авторы: Т.И. Алексеева, А.П. Бужилова, А.З. Винников, И.В. Волков, М.В. Козловская, А.Д. Пряхин, Цыбин М.В. Воронеж: ВГУ, 2002. – 200 с.

17. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). Т.1. Запорожье: ЗГУ, 2001. – 275 с.

18. Нарожный Е.И., Соков П.В. К этнокультурной характеристике погребенных могильников №№1 и 2 поселения «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края) // Археологические открытия на Кавказе и сопредельных регионах: хронология и интерпретация памятников. Сборник материалов Международной научной конференции», посвящённой 75-летию со дня рождения выдающегося учёного-кавказоведа Ю.Н. Воронова / Гл. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: Дом печати, 2018. С. 191–199.

19. Чхаидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // Древности Боспора. 2006. Вып. 10. С. 487–517.

20. Табалдиев К.Ш. Традиции, связанные с животными в погребальной практике кочевников Тянь-Шаня // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История и филология. Археология и этнография. 2013. Т. 12. Вып. №:3. С. 157–167.

21. Нарожный Е.И. Два погребальных комплекса из золотоордынского Азака и их северокавказские аналогии // Донские

11. Narozhnyj EI., Tishenko IB. Soil burial ground of the XIII-XIV centuries. settlement "Railway-2" (Crimean district of Krasnodar territory). *Archeology of the Eurasian steppes (Materials of the VIII international conference " Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space, dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov)*. 2018;4:141-148 (In Russ)

12. Narozhnyj EI. Archaeological sites of the XIII-XV centuries in the Kuban: (some current trends in their study). *Social and humanitarian Bulletin*. 2019;24:22-32. (In Russ)

13. Dmitriev AV., Narozhnyj EI., Sokov PV. Medieval mounds of the tract "Molokanova Schel" (Gelendzhik-village. Praskoveyevka). *Archeology of the Eurasian steppes. (Materials of the VIII international conference " Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space, dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov)*. 2018;4:399-446. (In Russ).

14. Dmitriev AV., Narozhnyj EI., Sokov PV. Preliminary results of excavations of archaeological monuments of the tract "Molokanova gap" (village. Praskoveyevka-Gelendzhik, Krasnodar territory). *Kochkarov U.Yu, editor. The Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the middle ages. XXX "Krupnosti reading." Materials of the international scientific conference (Karachayevsk, April 22-29, 2018) [Kavkaz v sisteme kulturnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekove. XXX «Krupnovskie chteniya». Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Karachayevsk, 22-29 aprelya 2018 g.)]*. Karachayevsk: KSU, 2018:448-451 (In Russ).

15. Lapshin AS., Myskov EP. *Research on the Vodyansky site of ancient settlement in 2009-2010. [Issledovaniya na Vodyanskom gorodishe v 2009-2010 gg.]*. Volgograd: LLC "Tsarit-syn printing company". 2011:174. (In Russ)

16. *Novoharkovskiy burial ground of the Golden Horde epoch / Authors-TI. Alekseeva, AP. Buzhilova, AZ. Vinnikov, IV. Volkov, MV. Kozlovskaya, AD. Pryakhin, MV. Tsybin [Novoharkovskij mogilnik epohi Zolotoj Ordy /Avtory – T.I. Alekseeva, A.P. Buzhilova, A.Z. Vinnikov, I.V. Volkov, M.V. Kozlovskaya, A.D. Pryahin, Cybin M.V.]*. Voronezh: VSU. 2002:200. (In Russ)

17. Elnikov MV. *The medieval burial ground of Mamai-Surka (based on research materials from 1989-1992) Vol. 1 [Srednevekovyj mogilnik Mamaj-Surka (po materialam issledovaniy*

древности. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во АМЗ, 2019. Вып. 12. С. 165–169.

22. Друзинина И.А., Чхайдзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье / Отв. ред. М.В. Горелик. Армавир-Москва: РИЦ АГПА, 2011. – 266 с.

23. Тарабанов В.А. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Н.В. Анфимов, П. У. Аутлев – Майкоп (б.и.), 1984 – С.164–172.

24. Носкова Л.М. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее // Материальная культура Востока / Отв. ред. С.В. Волков – М.: Наука. 2005 – Вып.4 – С.186–202.

25. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник – Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История 2014 – 132 с.

26. Белов М.А., Раев Б.А. Могильник Аушедз как источник по истории племен Северо-Западного Кавказа в эпоху средневековья. Серия: Материалы и исследования Юга России – Вып. II./Оив. Ред. С.И. Лукьяшко – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019 – 88 с.

27. Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. Ред. Н.В. Анфимов. – Майкоп. 1985 – С.16–64.

28. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Погребения Келийского могильника (горная Ингушетия) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа / Отв. ред. Н.И. Кирей – Краснодар: КубГУ. 1984 – С.68–91.

29. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды) / Отв. ред. В.Б. Виноградов – Армавир: «Армавирский полиграфкомбинат» 2005. – 210 с.

30. Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. / Отв. ред. А.В. Евглевский – Донецк: ДонГУ, 2003 – Т.3. – С. 245–274.

31. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993-1994 гг.) – Т. II – Запорожье: ЗНУ, 2006. – 356 с.

1989-1992 гг.) Т.1]. Zaporozhye: ZSU, 2001:275. (In Russ).

18. Narozhnyj EI., Sokov PV. To the ethnocultural characteristics of the buried burial grounds №1 and 2 of the settlement "Zheleznodorozhnoye-1" (Krymsky district of Krasnodar territory). Bgazhba O.H., editor. *Archaeological discoveries in the Caucasus and neighboring regions: chronology and interpretation of monuments*. Collection of materials of the International scientific conference "dedicated to the 75th anniversary of the birth of the outstanding scientist-kavkazov Yu. N. Voronov (November 20-24, 2016, Sukhum). [Arheologicheskie otkrytiya na Kavkaze i sopredelnyh regionah: hronologiya i interpretaciya pamyatnikov». Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii», posvyashyonnoj 75-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushegosya uchyonogo-kavkazoveda Yu.N. Voronova (20-24 noyabrya 2016 g., g. Suhum)]. Sukhumi: House of printing, 2018:191-199. (In Russ)

19. Chhaidze VN. *Medieval rural settlement on the hillfort of Kepa. Antiquities Of Bosporus*. [Drevnosti Bospora]. 2006;10:487–517. (In Russ)

20. Tabaldiev KSh. Traditions related to animals in the burial practice of nomads of the Tien Shan. *Bulletin of Novosibirsk state University. Series: History and Philology. Archaeology and Ethnography*. [Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya. Arheologiya i etnografiya]. 2013;12(3):157-167. (In Russ)

21. Narozhnyj EI. Two burial complexes from the Golden Horde Azak and their North Caucasian analogies. *Don antiquities. Materials of the international scientific conference [Donskie drevnosti. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii]* Azov: Publishing house:AMZ. 2019;12:165-169. (In Russ)

22. Druzhinina IA., Chhaidze VN., Narozhnyj EI. *Medieval nomads in the Eastern Azov region [Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazove]*. Armavir-Moscow: RIC AGPA 2011:266. (In Russ)

23. Tarabanov VA. Medieval burials of the Leninohablsky burial ground (according to excavations in 1975). *Anfimov NV. and Outlev PU, editors The questions of archaeology of the Republic of Adygea [Voprosy arheologii Adygei]*. Maykop. 1984:164-172. (In Russ).

32. Нарожный Е.И., Соков П.В. Фрагменты металлических зеркал с территории поселения «Железнодорожное -1» // МИА Северного Кавказа / Под ред. Е.И. Нарожного – Вып. 15 – Амавир- Краснодар: НАО «Наследие Кубани», 2015 – С. 139–142.
33. Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах – Вып. 3 – Армавир-Москва, 1993. – С. 92–114.
34. Нарожный Е.И. Убинский средневековый археологический комплекс: актуальные проблемы изучения // Золотоордынское наследие. Материалы VI международного Золотоордынского форума. – Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2019 – С. 143–153.
35. Дружинина И.А. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Дисс. канд. истор. наук. Исторические науки: 07.00.06 – археология – М.: ИА РАН – 622 с. Режим доступа: chromeextension://mhjfbmdgcfjbbpaeojofohoefgiehjai/index.html Дата обращения: 10.03. 2020 г.
36. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – Москва: МГУ, 1966 – 274 с.
37. Леонтьева А.С. Кашинные изделия в погребениях Змейского катакомбного могильника // Поволжская археология – 2018 – № 4 (26) – С. 56–70.
38. Жилина Е.В. Кашинные изделия из Келийского могильника XIII–XIV веков // Археологический журнал. – 2007 – №1 – С. 97–102.
39. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики – Вып. VI – Симферополь: СГУ, 1998. – С. 344–393.
40. Джорбенадзе В.А. Могильники разбитого средневековья в Арагвском ущелье – Тбилиси: ЦАИГ, 1991 – 12 с.
41. Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник / Под ред. В.К. Гарданова – Т. VII – М.: Наука, 1980 – С. 192–208.
42. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды – Москва: ИА РАН, 1991 – 112 с.
43. Noskova LM. Medieval burial ground on the Pshish river in Adygea. *Volkov SV, editor Material culture of East [Materialnaya kultura Vostoka]*. Moscow: Nauka. 2005;4:186-202. (In Russ).
44. Armarchuk EA., Dmitriev AV. *Tsemdoliny burial-ground burial ground [Cem-dolinskij kurganno-gruntovuj mogilnik]*. Moscow-Saint-Petersburg: Nestor-histories. 2014:132. (In Russ).
45. Belov MA., Raev BA. *Aushedz burial ground as a source for the history of tribes of the North-West Caucasus in the middle ages. Series: Materials and research of the South of Russia. Issue II [Mogilnik Aushedz kak istochnik po istorii plemen Severo-Zapadnogo Kavkaza v epohu srednevekovya. Seriya: Materialy i issledovaniya Yuga Rossii. Vyp. II]*. Rostov-on-Don: publishing house of SSC RAS, 2019:88. (In Russ)
46. Lovpache NG. Burial grounds at the mouth of the river. Psekups. Anfimov N. V, editors *The questions of archaeology of the Republic of Adygea [Voprosy arheologii Adygei]*. Makhkop, 1985:16-64. (In Russ).
47. Vinogradov VB., Narozhnyj EI. Burials of the Keli burial ground (mountain Ingushetia). *Kirej N.I, editors. Archaeological and ethnographic research of the North Caucasus [Arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya Severnogo Kavkaza]*. Krasnodar: Kubgu, 1984:68-91. (In Russ)
48. Narozhnyj EI. *Medieval nomads of the North Caucasus (some debatable problems of ethno-cultural interaction of the Golden Horde epoch). Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (nekotorye diskussionnye problemy etnokulturnogo vzaimovozdejstviya epohi Zolotoj Ordy)*. Armavir: "Armavir polygraph plant", 2005:210. (In Russ)
49. Narozhnyj EI. About Polovtsian statues and shrines of the XIII-XIV centuries. The North Caucasus and the Don. *Evglevsky A. V, editors. Steppes of Europe in the middle ages [Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya]*. Donetsk: DongU, 2003;3:245-274. (In Russ)
50. El'nikov MV. *The medieval burial ground of Mamai-Surka (based on research materials from 1993-1994). [Srednevekovyj mogil'nik Mamaj-Surka (po materialam issledovanij 1993-1994 gg.)]*. Zaporizhzhya: the Zaporizhzhya national University, 2006;2:356. (In Russ)

44. *Полубояринова М.Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Под ред. Г.А. Федорова-Давыдова – М: Наука. 1988 – С.149–217.
45. *Нарожный Е.И.* Половцы или черные клобуки? (По поводу критических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИА Северного Кавказа – Вып. 2 – Армавир: РИЦ АГПИ. 2003 – С. 212–223.
46. *Армарчук Е.А.* «Половецкие серьги» // МИА Поволжья. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плётневой / Под ред. Ю. Зеленева – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. 2006 – С. 231–257.
47. *Владимиров Г.В.* Археологически находки от Западната пристройка на църквата «Св. Четиридесет мъченици» в Търново: волжкобългарски аристократ, кумански войн или златоордински посланик е погребан в гроб № 47? // Приноси към българската археология / Под ред. Б. Петрунова, А. Аладжова, Е. Василева – Т. VII – София, 2013 – С.139–152. (на болгарском яз.).
48. *Goltbiołowska-Tobasz A.* Baba kamienna z kolekcji Muzeum Archeologicznego w Krakowie // *Materialy Archeologiczne.* – 2010 – Bd. XXXVIII – S. 127–140 (на польском яз.).
49. *Малахов С.Н., Гурова Е.А., Басов В.И., Приймак Ю.В.* Половецкое изваяние из окрестностей хутора Веселый // Семнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (Тезисы докладов) – Армавир-Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020 – С. 40–44.
50. *Лопатин В.А., Малышев А.Б.* Два средневековых погребальных комплекса из Калмыкии // Археология Восточноевропейской степи. Межвузовский сборник научных статей / Под ред. В. А. Лопатина – Саратов: СГУ. 2018 – С. 227–243.
51. *Нарожный Е.И.* Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья – Вып.14: Археология восточноевропейской лесостепи / Под ред. А.Д. Пряхина – Воронеж: ВГУ, 2000 – С. 138–150.
52. *Нарожный Е.И.* Об «этнокультурных», «этномиксационных» и «этноформирующих» процессах XIII–XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье (дискуссионные аспекты проблемы) // Этногенез и этническая
32. *Narozhny EI., Sokov PV.* Fragments of metal mirrors from the territory of the settlement "Zheleznodorozhnoye-1». *Narozhny EI, editors. MIA of the North Caucasus-Issue [MIA Severnogo Kavkaza].* Vol.15 Armavir – Krasnodar: NAO "the Heritage of Kuban", 2015:139–142. (In Russ)
33. *Armarchuk EA., Malyshev AA.* Medieval burial ground in the valley of the tseemes. *Munchaev RM, editors. Historical and archaeological almanac-Issue 3 [Istoriko-arheologicheskij al'manah].* Vol. 3. Armavir-Moscow, 1993: 92–114. (In Russ).
34. *Narozhny EI.* Ubinsky medieval archaeological complex: current problems of study. *Mirgaleev IM, editors. Golden Horde heritage. Materials of the VI international Golden Horde forum [Zolotoordynskoe nasledie. Materialy VI mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo foruma].* Cazan: Publishing house: SH. Marjani Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2019:143–153. (In Russ).
35. *Druzhinina IA.* *Funerary monuments of the North-Eastern black sea region and the North Caucasus of the XIII–XVIII centuries as a source for the history of the Adyghe peoples.* Moscow: IA RAS:622.
36. *Fedorov-Davydov GA.* *Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans. [Kochevniki Vostochnoj Evropy pod vlast'yu zolotoordynskih hanov].* Moscow: MSU, 1966:274. (In Russ)
37. *Leontiev AS.* *Kasynie products in Zmeyskaya the catacomb burials of the burial ground. Povolzhskaya arheologiya.* 2018;4(26):56–70. (In Russ)
38. *Zhilina EV.* Kashinny products from the Cell burial ground of the XIII–XIV centurie. *Arheologicheskij zhurnal.* 2007;1:97–102. (In Russ)
39. *Makarova TI.* Archaeological excavations in Kerch near the Church of John the Baptis. *Aybabin AI., editors. Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria.* Issue VI. Simferopol: SSU. 1998;6:344–393 (In Russ)
40. *Jorbenadze VA.* *Excavations of the Zhinvali Nakalakari burial ground in 1972. Zhinvali. Archaeological research in the Aragva gorge.* Tbilisi: Metsniereba,1983;1:163–180 (In Russ)
41. *Jorbenadze VA.* *Burial Grounds of the developed middle ages in the Aragva gorge [Mogilniki razvitogo srednevekovya v Aragvskom ushel'e].* Tbilisi: CAIG, 1991:12.

история народов Кавказа. Материалы I международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.) / Отв. ред. Ш.А. Гапуров – Грозный: ЧГУ, 2018. – С. 713–732.

53. Армарчук Е.А. О половцах на Северо-Западном Кавказе // Поволжье в средние века. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. Т.В. Гусева – Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. – С. 37–41.

54. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 208 с. + илл.

55. Зеленский Ю.В. К вопросу об этнокультурной принадлежности кочевнических погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья XIII–XIV вв. // VI международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: «Экоинвест», 2013. – С. 142–143.

56. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Восточного Причерноморья // Кочевые цивилизации народов Центральной Азии: история, состояние проблемы. Сборник материалов III международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н. И. Дроздов и др. Красноярск-Кызыл: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2012. – С. 138–142.

57. Нарожный Е.И. Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимовоздействие (XIII–XV вв.) // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. III международный конгресс средневековой археологии евразийских степей / Отв. ред. Н.Н. Крадин и А.Г. Ситдииков. – Владивосток: «Дальнаука», 2017. – С. 208–215.

58. Нарожный Е.И. Парные кочевнические захоронения XIII–XIV вв. на Северном Кавказе: аналогии и этнокультурный контекст // Кочевые Империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии / Отв. ред. Б.В. Базаров и Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во: Бурятского науч. центра Сибирского отд-я РАН, 2019. – С. 154–158.

42. Tsulaya GV. Georgian "X44. ronograph" of the XIV century about the peoples of the Caucasus. In: Gardanov VK, editors. *Caucasian ethnographic collection [Kavkazskij etnograficheskij sbornik]*. Moscow: Nauka, 1980;7:192-208 (In Russ).

43. Poluboyarinova MD. *Jewelry from colored stones of Bolgar and the Golden Horde [Ukrasheniya iz cvetnyh kamnej Bolgara i Zolotoj Ordy]*. Moscow: IA RAS, 1991:112. (In Russ).

44. Poluboyarinova MD. Glass products of the Bulgarian settlement. In: Fedorov-Davydov GA, editors. *City Of Bolgar. Essays on craft activities [Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoj deyatel'nosti]*. Moscow: Nauka, 1988:149-217. (In Russ).

45. Narozhny EI. Polovtsy or black hoods? (About the critical notes of IN. Anfimov and Yu V. Zelensky). In: Narozhny EI, editors. *MIA of the North Caucasus- [MIA Severnogo Kavkaza]*. Issue 2. Armavir: RIC AGPI. 2003;2:212-223. (In Russ)..

46. Armarchuk EA. «Polovtsian earrings». In: Zelenev Yu, editors. *MIA of the Volga region. Collection of articles for the anniversary of Professor S. A. Pletneva [MIA Povolzh'ya. Sbornik statej k yubileyu professora SA. Plyotnevoj]*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2006:231-257. (In Russ)..

47. Vladimirov GV. Archaeological finds from the Western extension of the Church of St. Forty martyrs in Tarnovo: volzhkobylgarsky aristocrat, cumanski warrior or zlatoordinsky Ambassador was buried in grave number 47? In: Petrunova B, Aladzkhova A, Vasileva E, editors. *Contribution to Bulgarian archaeology.[Prinosi k"m b"lgarskata arheologiya]*. Sofia, 2013;7:139-152. (in Bulgarian).

48. GoltbioIowska-Tobasz A. Baba kamienna from the collection of the Historical Museum in Krakov. *Archaeological*. 2010;Bd. XXXVIII: 127-140 (in Polish).

49. Malahov SN., Gurov EA., Bass V., Pryimak V. Polovtsian statue from the vicinity of the farm Fun. *Seventeenth readings on the archaeology of the Middle Kuban (Abstracts).[Semnadcatye chteniya po arheologii Srednej Kubani (Tezisy dokladov)]*. Amavir-Stavropol: Dizan-Studio B, 2020:40-44.

50. Lopatin VA., Malyshev AB. Two medieval burial complex of Kalmykia Republic. In: Lopatin V. A, editors. *Archaeology of the Eastern European steppe. Intercollegiate collection of scientific*

59. Нарожный Е.И. Коллективные захоронения в курганах и грунтовых могильниках Северного Кавказа XIII–XV вв. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI «Крупновские чтения» по археологии Кавказа / Отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала. 2020 (в печати).

60. Чхаидзе В.Н. Детали женского головного убора из погребений кочевников восточноевропейской равнины XII–XIV вв. // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой / Отв. ред. А.В. Чернецов, сост. И.Н. Кузина – Москва: ИА РАН, 2017 – С. 218–234.

61. Кривошеев М.В., Блохин В.Г. Средневековое погребение из одиночного кургана в Котельниковском районе Волгоградской области // Степи Европы в эпоху средневековья – Т.10 / Под ред. А.В. Евглевского. – Донецк: ДонГУ, 2012 – С. 315–324.

62. Павлов П., Владимиров Г. Златната Орда и Българите – София: Военное изд-во ЕООД, 2009 – 176 с. (на болгарском яз)

63. Владимиров Г.В. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства. – Казань: ИА АН РТ, 2018 – 128 с.

64. Владимиров Г.В. Обеци сформа на въпросителен знак от средновековна България (XIII–XIV в.). За материалните следи от куманите Златната Орда и в културата на Второто Българско царство – София, 2019 – 88 с. (на болгарском яз.).

65. Оца С., Джорджевски М. К вопросу об уточнении датировки клада из Войнешть (жудец Яссы) // Stratum plus – №6 – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест: «Stratum», 2016. – С. 301–320.

66. Нарожный Е.И. Г.В. Владимиров о времени, путях и условиях распространения серег в виде знака вопроса на Балканах // Вестник Владикавказского научного центра РАН – №4 – Владикавказ. 2020 – (в печати).

67. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И. Два захоронения воинов кочевников XIII–XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда – Т.2 / Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова – Казань-Кишинев: Stratum plus, 2019. – С. 599–640.

ic articles. [Arheologiya Vostochno-Europejskoj stepi. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh statej]. Saratov: SSU, 2018:227-243. (In Russ).

51. Narozhny EI. Black hoods in the North Caucasus. About the time and conditions of relocation. In: Pryakhin AD, editors. Eurasian steppe and forest-steppe in the early middle ages. Issue 14: Archaeology of the Eastern European forest-steppe. [Evrasijskaya step' i lesostep' v epohu rannego srednevekov'ya. Vyp.14: Arheologiya vostochnoeuropejskoj lesostepi]. Voronezh: VSU, 2000:138-150 (In Russ).

52. Narozhny EI. About "ethnocultural", "ethnomixation" and "ethnoforming" processes of the XIII-XV centuries in the North-Eastern black sea region (debatable aspects of the problem). In: Gapurov ShA. Editor. Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the Caucasus. Proceedings of the I international scientific Congress Nakh (the city of Grozny. September 11-12, 2018) [Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Kavkaza. Materialy I mezhdunarodnogo nahskogo nauchnogo kongressa (g. Groznyj. 11–12 sentyabrya 2018 g.)]. Grozny: ChSU, 2018:713-732 (In Russ)

53. Armarchuk EA. About Polovtsy in the North-West Caucasus. In: Guseva TV, editor. Volga region in the middle ages. Abstracts of the all-Russian scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of G. A. Fedorov-Davydov (1931-2000) [Povolzh'e v srednie veka. Tezisy dokladov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Fedorova-Davydova (1931–2000 gg.)]. Nizhny Novgorod: publishing house of NGPU, 2001:37-41. (In Russ).

54. Ivanov VA. Nomads of the Golden Horde: history, culture, religion [Kochevniki Zolotoj Ordy: istoriya, kul'tura, religiya]. Ufa: publishing house of the BSPU, 2015:208. (In Russ).

55. Zelensky V. To the question on ethno-cultural background of steppe nomadic burials of the Kuban area and the Eastern Zakubanye the XIII-XIV centuries. In: Marchenko II, editor. Sixth international Kuban archaeological conference. Conference proceedings [SHestaya mezhdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya. Materialy konferencii]. Krasnodar: "Ekoinvest", 2013:142-143 (In Russ).

56. Narozhny EI. Medieval nomads of the Eastern black sea region. In: Drozdov NI, et al., editor. Nomadic civilizations of the peoples of Central Asia: history, state of the problem.

Collection of materials of the III international scientific and practical conference [Kochevye civilizacii narodov Central'noj Azii: istoriya, sostoyanie problemy. Sbornik materialov III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii]. Krasnoyarsk-Kyzyl: KSPU named after VP. Astafiev, 2012:138-142 (In Russ).

57. Narozhny EI. Nomads of the North Caucasus: ethno-cultural representation and mutual influence (XIII-XV centuries). In: *Kradin NN. and Sitdikov AG, editor. Between East and West: the movement of cultures, technology, and empires. III international Congress of medieval archaeology of the Eurasian steppes [Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologiya i imperij. III mezhdunarodnyj kongress srednevekovoj arheologii evrazijskih stepej]. Vladivostok: Dalnauka, 2017:208-215. (In Russ).*

58. Narozhny EI. Paired nomadic burial sites of the XIII-XIV centuries in the North Caucasus: analogies and ethnocultural context. In: *Bazarov, BV. and Kradin NN, editor. Nomadic Empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary research. IV international Congress of medieval archaeology of the Eurasian steppes, dedicated to the 100th anniversary of Russian academic archaeology [Kochevye Imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovanij. IV mezhdunarodnyj kongress srednevekovoj arheologii evrazijskih stepej, posvyashchennyj 100-letiyu rossijskoj akademicheskoy arheologii]. Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019:154-158. (In Russ).*

59. Narozhny EI. Collective burials in mounds and ground burial grounds of the North Caucasus of the XIII-XV centuries. In: *Gadzhiev MS, editor. The archaeological heritage of the Caucasus: current problems of study and preservation. XXXI "Krupnovsky readings" on the archeology of the [Arheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sohraneniya. XXXI «Krupnovskie chteniya» po arheologii Kavkaza]. Makhachkala, 2020 (in print) (In Russ).*

60. Chkhaidze VN. Details of women's head-dress from the burials of nomads of the Eastern European plain of the XII-XIV centuries *Chernetsov AV, editors. Monuments of medieval archaeology in Eastern Europe. To the jubilee of M. D. Poluboyarinov the [Pamyatniki srednevekovoj arheologii Vostochnoj Evropy.*

K yubileyu M.D. Poluboyarinovoj]. Moscow: IA RAN, 2017:218-234. (In Russ).

61. Krivosheev MV., Blokhin VG. Medieval burial from a single mound in the Kotelnikovskiy district of the Volgograd region. In: *Yevglevskiy AV, editors. Steppes of Europe in the middle ages [Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya]*. Donetsk: DonGU, 2012;10:315–324 (In Russ).

62. Pavlov P., Vladimirov G. *Zlatnata Horde and Bylgaria [Zlatnata Orda i B"lgarite]*. Sofia: Military publishing house EOOD, 2009:176. (in Bulgarian)

63. Vladimirov GV. *Earrings in the form of a question mark from medieval Bulgaria (XIII-XIV centuries): about the material traces of the Cumans and the Golden Horde in the culture of the Second Bulgarian Kingdom. [Ser'gi v vide znaka voprosa iz srednevekovoj Bolgarii (XIII-XIV vv.): o material'nyh sledah kumanov i Zolotoj Ordy v kul'ture Vtorogo Bolgarskogo carstva]*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, IA, 2018:128. (in Russ.)

64. Vladimirov GV. *Earrings of the Golden Horde in the culture of the Second Bulgarian Kingdom were formed in the middle ages in Bulgaria (XIII-in the Fourteenth century). [Obeci sforma na v"prasilen znak ot srednovekovna B"lgariya (XIII-XIV v.). Za materialnitte sledi ot kumanite Zlatnata Ordai v kulturata na Vtoroto B"lgarsko carstvo]*. Sofia, 2019:88. (in Bulgarian).

65. Oza S., Georgescu M. To the issue of clarifying the Dating of the hoard from Wonesity (County of Iasi). *Stratum plus*. Saint Petersburg – Kishinev-Odessa-Bucharest: "Stratum", 2016;6:301-320. (In Russ).

66. Narozhny EI, Vladimirov GV. About the time, ways and conditions of distribution of earrings in the form of a question mark in the Balkans *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Vladikavkaz, 2020;4 (in print) (In Russ).

67. Dmitriev AV., Narozhny EI. Two burials of nomad warriors of the XIII–XIV centuries from the North-Eastern black sea region (to the history of the formation of the Golden Horde weapons complex). In: *Bocharov SG. and Sitdikov AG., editors. Genoese Gazaria and the Golden Horde [Genuevskaya Gazariya i Zolotaya Orda]*. Kazan-Chisinau: Stratum plus, 2019:599-640. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 29.10.2020 г.